

18 июля 2016

7951

Как полковник стал священником

Фото: rublev.com

Интервью с протоиереем Андреем Хвыля-Олинтером.

Протоиерей Андрей Хвыля-Олинтер. Полковник милиции в отставке. Ученый, криминалист, религиовед. В прошлом заместитель начальника Центра криминальной информации Главного информационного центра МВД РФ. Один из ведущих специалистов в области нетрадиционных религий и деструктивных культов.

***

— Отец Андрей, прежде всего позвольте от коллектива редакции портала «Rublev.com» поздравить Вас с днем Вашего небесного покровителя преподобного Андрея Рублева.

Как-то непривычно, что высокопоставленный сотрудник Главного информационного центра МВД России стал священником. Многие из коллег до сих пор помнят Вас как полковника

милиции — и не просто полковника, а высочайшего специалиста в области информационных систем и криминалистики. Чем Вы занимались в МВД?

— Я занимался разработкой, внедрением и эксплуатацией систем информационного обеспечения, в том числе в криминалистике, которые используются в расследовании преступлений. Преступления совершаются везде, где присутствует и действует человек — поэтому криминалистика охватывает все виды деятельности человека. Соответственно разработка информационных систем потребовала всестороннего изучения многих сфер жизни.

— Это не только сбор и анализ данных, отпечатков пальцев, как обычно думают обыватели?

— Конечно, нет. Даже если вы любите какие-то детективные фильмы или повести, там в информационных системах встречаются самые разные базы данных. Например, восстановление облика трупа, внешности человека по его черепу. Или составление фоторобота, когда опрашивают свидетелей и изготавливают вероятный портрет преступника. Так же и описание разных преступлений, когда надо из огромной кучи вылавливать серийные, то есть совершенные одной и той же группой или одним и тем же лицом — по способу совершения, по другим признакам. Мы занимались разной математикой — взять хотя бы обработку изображений. Положим, имеется фотография подозреваемого, но она «размыта». И мне пришлось разрабатывать алгоритм, который позволяет из расфокусированного изображения получить очень четкий снимок. С точки зрения математики все оказалось достаточно просто.

Конечно, наука не стоит на месте, это потом уже появились компьютерные программы.

— Но Вы были пионером.

— Во всяком случае, в нашей стране один из первых... Это было жизненно важно! Например, привести в нормальное изображение расфокусированный и смазанный снимок. Чтобы обличить преступника или наоборот доказать, что подозреваемый на самом деле не причастен.

— Это какие были годы?

— Девяностые. Хотя пришел я туда еще в конце 70-х. Вначале мы занимались в основном математикой. Не было в СССР еще таких технических средств, и для того чтобы обрабатывать изображения, в том числе и отпечатки пальцев, приходилось закупать иностранное оборудование. И поначалу мы становились изобретателями, да такими, что, помню, даже американцы удивлялись!

Один из первых наших вариантов дактилоскопической системы нам удалось создать на персональном компьютере. Американцы считали, что это теоретически невозможно. И мы им на персональном компьютере это показали, они решили, что мы их обманываем. Но доказать удалось очень просто: мы попросили их самих откатать отпечатки пальцев на наших устройствах ввода и нашли все, что было нужно. Их это изумило! Это ведь был не нынешний компьютер, а что-то типа «Искры». Сейчас народ и не слышал, уже забыли о таких ПК. Но мы тогда нейтрализовали хилость нашей техники, применяя очень хитроумную математику.

— **Отсталость техники компенсировали силой мозгов?**

— Ну, да. Американцы такое решали за счет неограниченных возможностей техники.

— **Как проходила Ваша служба, Вы ведь в итоге дошли до звания полковника?**

— И не просто полковника МВД — я тогда занимал пост на информационном конвейере, то есть кроме чисто научной работы, я еще круглосуточно отвечал за «эксплуатацию» наших систем. А мы обслуживали раскрытие преступлений не только в СССР, но и на уровне международных структур, Интерпола, например. К нам очень часто обращались из наших посольств, да откуда угодно — со всех стран, можно сказать. Русские, мы ведь народ такой шептунной, преступления совершаем в разных странах (хотя это не только специфика русских, но и других народов).

— **Да и в отношении русских совершались преступления, то есть поле деятельности у Вас обширное было, весь глобус.**

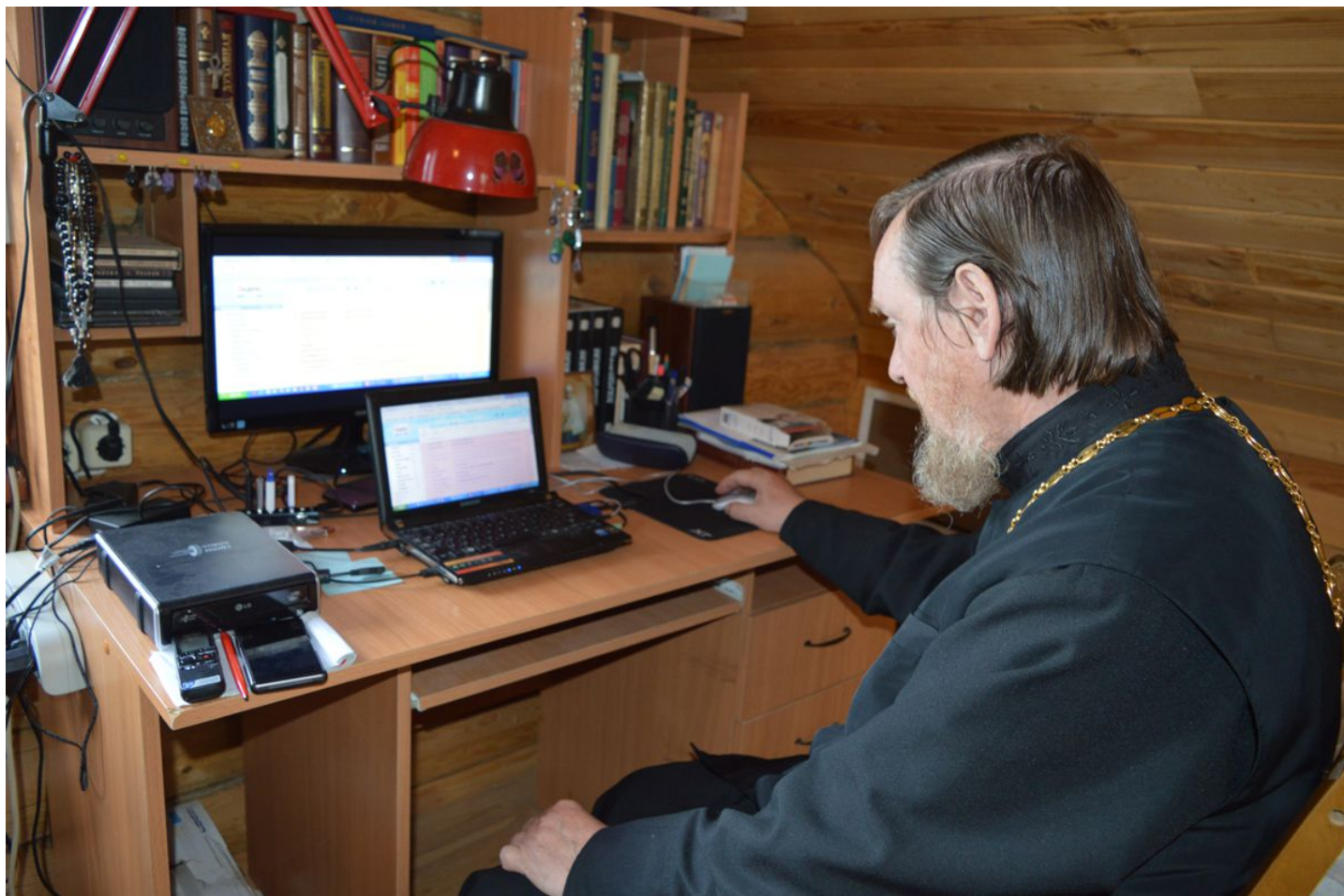
— И поэтому режим у меня был бешеный: в течение рабочего дня от 60 до 70 только боевых звонков было. «Боевой» звонок — это когда мне звонят, скажем, из нашего посольства в Южно-Африканской республике и просят проверить какого-то человека или еще что-то. Я держу трубку, по другой трубке связываюсь с подчиненными (а у меня было порядка четырехсот подчиненных), передаю приказ найти такого человека, это делается сразу, и я тут же по телефону отвечаю на запрос. Это боевые звонки. Несколько контрольных карточек с красной полосой, то есть на уровне министра, и я должен подготовить соответствующие документы и в течение дня отправить. Боевой режим.

— **Но как же все-таки произошло, что перспективный ученый, криминалист, полковник МВД Андрей Игоревич Хвыля-Олинтер превратился в «отца Андрея»? Чтобы так кардинально изменить жизнь...**

— Это можно сравнить с рождением ребенка. С одной стороны, случилось как будто «вдруг». Как в роддоме женщина мучается, напрягается и «вдруг» рожает. А с другой стороны, рождению ребенка предшествовал длительный период каких-то событий.

У меня как-то так сложилось, что с детства была жажда истины, если хотите. Пусть даже она была облечена в форму официальной идеологии, марксизма-ленинизма. Я ведь прочитал не только те труды Маркса и Энгельса, которые обычно изучаются в институтах, но и многие другие. Особенно ранние работы Маркса. Сначала я шел в русле официальной идеологии, но при этом очень любил математику и философию. Тейяр де Шарден сыграл роль, Станислав Лем и другие такого рода философы. И я стал искать причину, смысл нашего существования, но, правда, в рамках рассудочной человеческой деятельности. Стал создавать гигантскую теорию, которая хотя бы для меня объясняла все, что происходит в мире. Да, появилась огромная эрудиция, но, сами понимаете, чтобы все это системно изучать, надо вариться в соответствующей среде. А поскольку я в основном все самостоятельно изучал, то была в этом и доля поверхностного, это был нескончаемый бег к горизонту.

Но была и другая сторона. Я рисовал (и отец у меня рисовал, он же член Союза художников СССР), и вот это ощущение красоты мира подталкивало меня к мыслям о том, что у данной красоты есть какая-то основа, некое Сверхначало.

— Точно так же, как физики видят невероятную разумность природы, даже человеческий организм, его тело — удивительный супермеханизм...

— Да. И сначала все воспринималось, как некое свойство природы, но потом, когда я поглубже в это дело влез, некоторые известные принципы той же природы, скажем, принцип наименьшего действия Гамильтона, показали, что за всем этим явно стоит что-то еще, что выше природы. Мы кидаем камень — и он изначально летит по траектории наименьшего действия, то есть он как бы знает, куда двигаться. А если уж рассматривать функционирование человеческого организма, мозга, если уж мы добираемся до таких высочайших естественных систем и причин... Понятно, что все это рано или поздно приводит к Богу.

Еще Френсис Бекон говорил (а он считается основателем современной науки), что частичные знания уводят от Бога, а вот такие полные, глубокие — обязательно к Нему возвращают. Возьмите великих ученых, лауреатов Нобелевской премии, основателей квантовой механики: Вернер Карл Гейзенберг, Макс Планк — они же все глубоко верующие люди. Не говорю уже о Ньюtone и так далее. Да и наши советские, по-настоящему великие, ученые: тот же академик Борис Викторович Раушенбах, разработчик систем управления советских космических аппаратов, один из основоположников советской космонавтики, пожалуйста — глубочайший верующий человек. Написал, между прочим, интересные книги по православию. Авиаконструктор Игорь

Иванович Сикорский, знаменитый и в царской России, и в США. Написал замечательные книги о молитве «Отче наш». Можно еще много примеров приводить. Дело в том, что среди ученых верующих ничуть не меньше, чем среди обычных людей.

И так мои увлечения стали приводить меня в тупик: то есть конструируя свою гигантскую теорию, я все время обнаруживал в ней дырки, слабые места. Значит, нужно было изучать новые научные труды и новые направления. Понятно, что в итоге эти бесплодные поиски могли бы привести в сумасшедший дом или в какие-нибудь исторические секты, что собственно одно и то же.

Но неожиданно мне повстречались люди, которые фактически заложили для меня фундамент, показали, где что. Однажды я пришел к одному из крупнейших наших ученых философов, руководителю Отдела проблем познания в Институте философии Академии наук СССР. Я пришел к нему со своими опусами по рекомендации Анатолия Гармаева (он тогда еще не был священником). И этот философ, Батищев Генрих Степанович, с большим интересом прочитал мой опус, в котором тезисно описывалась моя «теория» (с юмором говорю), и вдруг меня огорошил. «Вам нужно срочно креститься и идти в церковь», — сказал он. И тогда же он познакомил меня с отцом Димитрием Смирновым.

Постепенно у меня появился совершенно новый круг знакомых: Анатолий Гармаев (он еще не был священником), философ Генрих Степанович Батищев (в крещении Иоанн), священник Даниил Сысоев (я с ним начал контактировать против сектантской деятельности, будучи еще офицером), протоиерей Феодор Соколов (он как раз курировал силовые структуры).

И вот отец Димитрий Смирнов пригласил меня как-то поприсутствовать на крещении. Приехал я к нему днем, в обеденный перерыв, и там бабуля привела крестить двух своих великовозрастных внука и внучку. Пустой храм, я стоял в сторонке, ничего не знал, ни чинопоследования, ничего не понимал. Стою, глазею, мне интересно. Когда началось крещение, вдруг на меня впервые нахлынуло странное, новое чувство — я не понимал, что со мной происходит, но чувствовал, как будто крылья за моей спиной выросли... И когда крещение закончилось, я по идее должен был подойти к отцу Дмитрию, поблагодарить его, какие-то слова сказать — а я молча выполз из храма и всю оставшуюся часть рабочего времени проходил по Москве, внутри у меня все звенело.

— А ведь Вы тогда были всего лишь зрителем.

— Только стоял сбоку у стены и ничего не понимал. В итоге я еще какое-то время по инерции шел по рациональному пути, я накинулся на христианскую литературу, стал еще больше читать. И так я укрепился именно в рассудочном, рациональном плане, что Бог есть, и всё.

Я начал ходить по разным культовым зданиям, к мусульманам заруливал, к протестантам, католикам, буддистам. Просто так, пройтись посмотреть. Но ощущение, что я «дома», возникало только в православном храме. Нигде больше. Так еще где-то год я проходил. В итоге, как снежный обвал — я крестился в храме Николы в Кузнецях, отец Валентин Асмус меня крестил, полным погружением, как положено. Большую роль тогда сыграла моя крестная мать Валентина Федоровна Чеснокова, крупнейший в мире социолог (очень скромная, судя по всему она была тайная монахиня, работала в Институте социологии, у нее замечательные по социологии книги).

— Но Вы не остановились на крещении и, в конце концов, приняли священный сан. Как к этому отнеслись Ваши коллеги, да и семья тоже?

— Бог позвал. На все воля Божия. Хотя в период воцерковления это иной раз принимало анекдотичный оборот. У нас была такая категория офицеров, которые волочились за женщинами, при этом носили такие холеные бородки. И никто не протестовал против бородок. Но как только я стал отращивать свою бороду, «по религиозным соображениям» (она тоже была постриженная, короткая, то есть внешне почти не отличалась от этих донжуанов) — начался прямо-таки натиск против моей бороды!

«Андрей Игоревич! Чтобы завтра вы пришли без бороды! Вы же офицер!»

И это при том, что там многие с бородами были, и никаких претензий к ним не предъявлялось. Были у меня и совсем смешные случаи: я выступал на Коллегии на Житной с серьезным докладом об информационно-оперативной системе, там были начальники всех управлений, генералы. И вдруг я вижу, они смеются, хихикают. А я серьезные вещи рассказываю. Потом с ужасом замечая, что перешел на церковно-славянский язык. А я тогда ходил на курсы церковно-славянского языка, и мне надо было сдавать по нему экзамен, и в голове у меня был зацикл на этом.

— **«Ибо», «поелику», «паки-паки, языками не владеем»?**

— Вот, примерно так и было. Но я уже там притчей во языцех был, они знали, что я православный...

А если уже серьезно, то в моем принятии священства, конечно, была воля Божественная. Я это сейчас понимаю. Например, я зачем-то стал создавать у себя библиотеку священника, богослужебной литературы. Просто испытывал потребность изучения этого. Потом был момент: владыка Иоанн Белгородский (председатель Миссионерского отдела), когда я работал над справочником по деструктивным религиозным организациям, чтобы мне никто не мешал, отправил меня в «затвор». И наступает такой момент: справочник дописан, и владыка Иоанн вдруг мне объявляет: «Вас через три дня рукополагают в диаконы». Это 2002-й год.

Я съездил в Москву. Жена вначале подумала, что я в монахи подамся. Ну, можете себе представить, была паника: мол, развал семьи и так далее. Родственники заговорили, что я сейчас квартиру продам, возник ажиотаж. Но видите, как все повернул Господь.

В 2000-м году я уволился из МВД по возрасту, рукоположили меня в диаконы в 2002-м, а в 2004 году состоялось рукоположение в священники.

— **Возможно, на тот момент Ваше внутреннее состояние было уже подведено к этому?**

— Я же говорю, это все равно как стать матерью: девочка, девушка — они что-то слышат о рождении ребенка, у них, конечно, складывается какое-то представление о материнстве, о рождении ребенка. Но когда это происходит на самом деле — это качественный скачок! И он бесконечно отличается от всех теоретических представлений. Это совсем другое уже. Так и с рукоположением.

Когда человек становится священником, и если это искренне происходит (бывает, конечно, и конъюнктура — мало таких случаев, но бывают: когда папа-священник подталкивает и свое чадо к такому выбору), он становится совершенно другим человеком.

— **Бывает, что священство принимают как одну из новых, популярных «профессий», как способ неплохо устроиться.**

— Среди священников тоже живые люди. Поэтому по-разному бывает. Но все-таки основная масса священников — это трудяги, это крест. А уж тем более архиереи, архиерейство — это вообще тяжелейший крест.

— **Отец Андрей, сегодня Церковь празднует память преподобного Андрея Рублева. Как Вы сами воспринимаете его личность и творчество — человека веры, искусства и безмолвного богословия Древней Руси?**

— Этот период многими учеными исследователями называется периодом русского возрождения. Если на Западе, в западной цивилизации период Возрождения содержал явный элемент богоборчества, замену Бога на человекобожие, то у нас возрождение выражается прежде всего творчеством святого Андрея Рублева. И достаточно вспомнить его иконы, посмотреть внимательно и глубоко, чтобы понять, что наше возрождение заключало в себе расцвет всех основных ценностей христианства. Прежде всего, любви, истины, терпимости в быту и социальной жизни, но непоколебимого стояния в вере — вероисповедания и любви в самом широком смысле.

Мы смотрим на образы святого Андрея Рублева и видим любовь — и эта любовь распространяется и на Бога, и на весь земной мир, включая природу. И, конечно, мы видим особое место человека.

— **Но Андрей Рублев после себя не оставил никаких писем, посланий, поучений...**

— После себя он оставил иконы. Возьмите, вот, «Троицу» — я неделю могу рассказывать об этой иконе. В ней высочайший смысловой ряд: и Новый Завет, и ветхозаветные элементы. Композиция трех ангелов повторяет букву «Ш» — это священная буква, особо выделяемая в древнем иудейском алфавите, которой отмечают предметы священные. И вот ангелы, они выстроены в виде этой буквы. Это не сразу можно заметить, потому что их взаимное расположение одновременно повторяет и круг, как символ полноты. Об этой иконе можно много рассказывать, на мой взгляд, она стоит многих мировоззренческих томов, философских и богословских. Объекты за ангелами, древо жизни (это символ Церкви), здание, гора и так далее. И, конечно, самое важное — чаша на престоле. Она занимает центральное место, геометрический центр всего круга. Новозаветная жертва — собственно Сам Христос. И средний ангел, символ Христа, указывает на свою собственную жертву.

Поэтому для меня эти образы Андрея Рублева всегда являются средством сильнейшего очищения. И в моей келье (вы и сейчас можете видеть) всегда присутствует эта икона Троицы. Рублев — не только мой святой, но и одно из сильнейших слов в православии в эпоху расцвета.

— Получается, творчество Рублева — это тоже богословие, только богословие в красках?

— Именно. И вообще икона как таковая — это богословие в красках, так же как скажем церковно-славянский язык — это богословие лингвистическое. Конечно, иконы тоже бывают разные, бывают похожие на картину, «партесные», светские варианты. Но мы говорим об иконе канонической. Такая икона — это молитва, да, богословие в красках, но богословие это и есть, прежде всего, молитва. Богослов — это, прежде всего, молящийся, а не ученый лектор.

У нас ведь Церковь признает только несколько богословов с большой буквы. Иоанн Богослов, Григорий Богослов, Симеон Новый Богослов... Конечно, у нас есть богословские факультеты, которые ежегодно клепают новых богословов. Но при всем уважении к ним, Церковь именует великими «Богословами» только нескольких святых. Поэтому икона — это и богословие, и молитва. Даже когда она изготавливается (мы знаем все этапы изготовления доски, левкаса и красок) — все это сопровождается не просто молитвой, а особым аскетическим состоянием иконописца, из которого он не имеет права выходить.

Кстати, я ведь тоже всю жизнь рисовал и особенно уважал такие символические варианты письма, то есть содержательные. И когда встал вопрос о моем крещении, священник, увидев всякие мои художественные стремления, целенаправленно выбрал мне святым покровителем преподобного Андрея Рублева. Признаюсь, у меня самого была задумка всерьез этим заняться, и даже я пробовал что-то сам делать, но уже много-много лет мне приходится заниматься противодействием деструктивным религиозным организациям и культам... Борьба с сектами — это совершенно другая сфера, и она, увы, отнимает все силы. Но и оставлять эту борьбу за духовную безопасность народов России мы не имеем права. Если не мы, то кто тогда?

— Спасибо, отец Андрей, за эту беседу, и еще раз примите от нас поздравления с Вашими именинами, Днем Ангела!

— Насколько я понимаю, ваш православный информационный портал «Рублев» тоже назван в честь преподобного Андрея Рублева? То есть у вашей редакции сегодня тоже именины. Поэтому, со своей стороны, поздравляю ваш коллектив и ваших читателей. Храни вас Бог!

Беседовал Александр Егорцев

Фото: личный архив прот. Андрея Хвыля-Олинтера, А. Егорцев

Продолжение следует

Публикация в рамках проекта «Вера сегодня: лица современного православия» при поддержке Международного грантового конкурса «Православная инициатива 2016—2017».

Материал с сайта Rublev.com